

Из новых материалов топонимической экспедиции Уральского университета

В августе 2004 г. состоялась очередная топонимическая экспедиция Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Местом проведения полевых сборов, как и в прошлом году, стали ранее не обследованные территории Костромской области, на этот раз Кадыйского и частично Макарьевского (низовья реки Унжи, впадающей в Горьковское водохранилище) районов. С целью уточнения и проверки уже собранного материала был также предпринят выезд на восточное побережье Онежской губы, на котором работы велись десять лет назад и которое в настоящее время является полем научных изысканий сотрудников кафедры русского языка и общего языкознания УрГУ – Н. В. Кабининой и Т. И. Киришевой. В результате полевых сборов пополнена региональная картотека топонимов Онежского района Архангельской области (около 500 единиц хранения) и Макарьевского Костромской области (примерно 900 единиц), создана картотека топонимов граничащего с Макарьевским Кадыйского района (более 4 тыс. фиксаций)¹.

В работе экспедиции принимали участие сотрудники кафедры русского языка и общего языкознания и студенты 2–5 курсов филологического факультета УрГУ (всего 23 человека). В Онежский район Архангельской области были командированы: *Т. И. Киришева* (начальник отряда), *И. И. Корсунова*, *Ю. С. Костылев*, *Е. В. Попова*; в Кадуйский район Костромской области – *Е. Л. Березович* (начальник экспедиции), *Ю. А. Кривошапова* (начальник отряда), *К. В. Пьянкова*, *М. Ф. Евчик*, *А. А. Макарова*, *Е. В. Шабалина*, *М. ?.* *Богданова*, *М. Н. Гафурова* (Ведровский, Завражный, Котловский, Лубянский, Паньковский, Столпинский, Чернышевский сельсоветы); *К. С. Верхотурова* (начальник отряда), *И. ?.* *Кобозева*, *О. В. Анашкина*, *К. М. Старикова* (Екатеринкинский, Иваньковский, Низкусынский сельсоветы); в Макарьевском районе Костромской области (Вознесенский, Нежитинский сельсоветы) и в Селищенском сельсовете Кадуйского района работали: *Л. А. Феоктистова* (заместитель начальника экспедиции), *А. А. Великова*, *Е. А. Верхотурова*, *Т. ?.* *Мельникова*, *Е. А. Хайретдинова*, *Е. С. Хухарева*, *А. И. Несынов*.

Если говорить о костромской экспедиции, то перед ней ставились (как и каждый раз по необходимости ставится перед экспедицией как таковой) слишком масштабные задачи (фронтальный сбор ономастики и диалектной лексики на большой территории), чтобы можно было подводить ее итоги; мы лишь попытаемся дать некоторое представление о топонимии исследуемого региона.

О степени сохранности корпуса географических названий можно судить по количеству бывших деревень (если учитывать, что вокруг каждой из них существовали отдельные топосистемы, лишь частично накладывающиеся друг на друга): на юге Кадыйского района число таких деревень достигает 70 %. Одним из факторов, приведших к этому, стала хозяйственная деятельность человека в недавнем прошлом, которая коренным образом изменила ландшафт: речь идет о затоплении значительной части территории при создании Горьковского водохранилища – *Горьковского Разлива* (здесь его еще с иронией и, надо полагать, не без основания называют *Горьковской Грязью*)².

Субстратная топонимия этого региона представляет интерес прежде всего в связи с мерянской проблемой: по данным археологии Костромское Поволжье является областью бывшего проживания мери, хотя и слабо заселенной [см.: Археология Костромского края, 1997, 49]. Из числа немногих собственно языковых показателей фиксируется только детерминант *-ингирь*, также и в самостоятельном употреблении, см.: *Ингирь*, правый приток Шуи, впадающей в Нёмду; *Ухтынгирь/Ухтенгирь* и *Печенгирь*, находящиеся между двумя притоками Волги – Желватой и Нёмдой³. Этот формант выделяет-

¹ Об итогах экспедиции на Онежский полуостров см. в заметке Т. И. Киришевой в данном подразделе.

² В последние годы негативное отношение к нему местных жителей только усилилось: после прекращения речного судоходства они оказались окончательно отрезанными от расположенного на противоположном берегу Юрьеvecкого сельсовета Ивановской области, в ведении которого они раньше находились.

³ Согласно А. К. Матвееву [1996, 16, 18], *Ухтынгирь* буквально «медвежья речка» (ср. фин. *ohio*, морд. *овто* 'медведь'), весьма заманчиво сходным образом трактовать название более крупного притока Желваты – Кондомы, впадающей ниже Ухтынгиря (ср. фин. *kontio*, ливв. *kondie*, *kondī*, люд. *kocd'ī*, вепс. *koñd'ī* 'медведь' [SKES, 215]), и предполагать, что один из этих гидронимов является калькой с другого.

ся и в гидрониме *Левангирь* («теплый ручей, речка», ср. мар. *леве* ‘теплый’ [Матвеев, 1996, 17]); примечательно, что название Шокши, в которую впадает Левангирь, поддается интерпретации также на марийской почве (ср. мар. *шоки* ‘рукав реки’) [обзор литературы см.: Там же, 1996, 13]. А. К. Матвеев допускает мерянское происхождение гидронимов *Шача* (ср. мар. *шачаш* ‘рождаться’, ‘родиться’) и *Шилекша* (ср. мар. *шыл* ‘мясо’ и *икса* ‘маленькая речка’, ‘залив’, ‘пролив’) [Там же, 18–19], которые также зафиксированы на этой территории. А вот два *Синих Камня*, один из которых находится в семи километрах северо-восточнее Кадья, другой – намного южнее, в данном случае вряд ли могут служить лингвоэтническим индикатором (ср. обозначения валунов по цвету: *Белый Камень*, *Серый Камень*, *Сизый Камень*, *Черный Камень*).

Наряду с топонимами предположительно мерянского происхождения встречаются такие, языковая принадлежность которых еще менее очевидна, – это названия с недифференцирующими формантами *-ма* (*Ворозьма*, б. д.; *Пасьма*, б. д.), *-вс* (*Ермосово*, поле; *Молгосово/Молгусово*, пок.; *Утрос/Утрус*, гора (б. д., руч.)), *-Виш(а)* (*Грабешка*, левый приток Талицы; *Колдаш/Колдыш*, левый приток Воломши; *Юрондаш/Юрогнаш/Юрондыш*, левый приток Шуи) и др. Суффикс *-Вть* выделяется в гидронимах *Лёнатъ* (так называют верховья Желваты, левого притока Волги) и *Водгатъ/Вотгатъ* (наименование правого притока Нёмды). Второй топоним был записан также в форме *Вотгач*; финаль *-Вть* в данном случае можно было бы рассматривать как вариант суффикса *-Vч* с учетом характерного для местных говоров упрощения *ч > т’* (если только *Вотгач* не является результатом гиперкоррекции). Сразу несколькими разновидностями, восходящими к различным финно-угорским источникам, представлен детерминант *-Vг(a)*: название правого притока Нёмды *Юг* противопоставлено находящимся значительно южнее гидронимам *Куртега/Куртига/Куртюга* (на территории Нижегородской области), *Нодога* (на территории Ивановской области), и, возможно, *Мурдовка* < **Мурдога*⁴ (ср. фин., карел. *turto* ‘бурелом’, вепс. *turdot* ‘мусор’, эст. *turd* ‘бурелом’ [SSA, 2, 182]; этимология основы предложена А. К. Матвеевым [2004, 147]).

Установлению того, к какому финно-угорскому источнику восходит тот или иной субстратный топоним, нередко способствует этимологизация его основы: так, саамские корни имеют названия двух правых притоков Кусцы – *Моткиш*⁵ и *Волеш* (с вариантами *Волеша/Волешка/Волюшка*) – и левого притока Унжы – *Вольшка* (ср. прасаам. **võlē* (~ фин. *ala*), саам. сев. *vuolle*, ин. *vueli*, колт. *vie’ll*, кильд. *vü’ll*-, тер. *vǐlle* ‘нижний’ [YS, 152–153]), прибалтийско-финского происхождения гидронимы *Койка* (ср. фин., карел. *hoikka*, люд., вепс. *hoik* ‘тонкий’, ‘узкий’ [SSA, 1, 169]), *Яныш* (ср. карел. *jänis*, вепс. *jäniš* ‘заяц’ [SSA, 1, 257]), ойконим *Лагодки* (ср. фин., ижор., карел., водск. *laho* ‘гнилой, трухлявый; прогнивший’, люд., вепс. *laho* ‘гнилое дерево’ [SSA, 2, 35]) и др.

Следы дорусского населения края или пришедших сюда вместе с русскими финноугров можно усмотреть и в этнопониме *Новая Чудь*. На то, что в процесс колонизации были вовлечены отдельные группы прибалтийских финнов и даже представители летописной чуди заволочской, указывают данные археологии [см.: Археология Костромского края, 1997, 81]. «Чудскую» гипотезу несколько ослабляют изолированность ойконима (другие производные от *чуди* наименования отсутствуют) и вероятность перенесения русскими колонистами (т. е. его вторичность), название могло быть дано селу и по находящейся в нем церкви Николая Чудотворца.

Отголоски каких-то преданий о заселении края содержит в себе сюжет о некоем мифическом племени *корёгов* (*корёков*, *коряков*), от названия которого якобы производны ойконимы *Коряковка*, *Коряково*, *Коряковщина* и *Коряковская Волость*. Сведения об этом племени довольно скудны и противоречат друг другу: корегов отождествляют то с воинственными пришельцами с севера, в том числе русскими, то с коренным нерусским населением, оттесненным впоследствии на север. Вместе с тем оче-

⁴ О возможности рассмотрения *-Vг(a)* как одного из источников форманта *-ова/-ева* см.: [Матвеев, 2001б, 253].

⁵ На возможный дифференцирующий характер основы *мотк-* < прасаам. **mōtkē* ‘путь’, ‘волок’ указывает А. К. Матвеев [2004, 90]; здесь и ниже этимологии основ приводятся по: [Матвеев, 1987, 69; 2004, 161, 168, 45].

видно, что не названия бывшей деревни и куста деревень восходят к этому «этническому» наименованию, а, наоборот, оно само появилось вследствие фольклорной ремотивации топонимов⁶.

Если обратиться к рассмотрению структурных особенностей русской топонимии (насколько это позволяет предварительное ее изучение и рамки жанра), то наряду с количественно преобладающим аффиксальным типом и топонимами-словосочетаниями хотелось бы упомянуть и одну совершенно нетипичную для русского языка синтаксическую конструкцию – *Поле, Где Волки Жеребят Съели*.

Из топоформантов, восходящих к древним суффиксам, представлены, в частности, *-ец* (*Конёвец*, руч.; *Братынец*⁷, руч.; *Сосновец*, пок.; *Караваец*, пок.; *Ожгинец*, д.; *Жуковец*, б. хуг., и др.), *-ица* (*Быстрица*, руч.; *Каракулица*, р.; *Староживица*, р.; *Кру́ли́ца*, пок.; *Осиновица*, пок.; *Овсяница-Заводь*, пок.; *Подугорница*, пок.; *Батальница*, пок.; *Погорелица*, пок.; *Гри́горица*, пок.; *Малаховица*, поле; *Медведица*, лес; *Сухая Та́лица*⁸, бол.; *Воспица*, б. д.; *Глинница*, б. д.; *Груздови́ца*, б. д.; *Дымни́ца*, б. д., и др.). В гидронимии широко распространена модель с суффиксом *-к(а)*: *Каменка*, *Карповка*, *Большая* и *Малая Маловка*, *Аграфенка*, *Адамовка*, *Еремеевка*, *Ильинка*, *Вербíловка* (< *Вербíлово*, б. д.) и мн. др.

Среди топонимов безаффиксного типа и словосочетаний упоминания заслуживают те, которые содержат диалектный географический термин; приводимые ниже термины на исследуемой территории функционируют и как таковые (самостоятельно): это и широко распространенные в говорах *бочаг* (*Бочаг*, оз.; *Большой Бочаг*, ямы на р. Семченка); *кри(в)уль* (*Кривуль*, излучина р. Немда; *Криву́ли*, поле; *Монашенский Криуль*, излучина р. Кусь; *Фенькина Кривуля*, излучина р. Желвата, и др.); *дол* (*Дол*, пок.; *Дола/Доль*, поле; *Глубокий Дол*⁹, пок.; *Лесной Дол*, пок.; *Ваёгин Дол*, пок.; *Малиновские Дола*, пок.; *Надолы/На Долах*, поле, и др.); *кулига* (*Кулиги*, лес; *Кулижки*, лес; *Дальняя Кулига*, поле; *Мирская Кулига*, поле; *Балино́вы Кулиги*, поле; *Николаича Кулига*, пок., и др.); *грива* (*Елевая Грива*, лес; *Осиновая Грива*, пок., бол.; *Редкая Грива*, лес; *Темная Грива*, лес, бол.; *Змеиня Грива*, лес; *Юркова Гривка*, пок., и др.); *рамень* (*Рамень*, лес) и др., и преимущественно северно-русские *чертёж* (д. *Большие Чертежи* и *Малые Чертежи*); *ляд*, *ляди́на* (*Лядинка*, лес, пок.; *Мокрый Ляд*, пок.; *Осинов Ляд*, бол.; *Бабий Ляд*, пок., лес; *Дальняя Лядина*, пок.; *Косильная Лядина*, пок., и др.); *за́песок* (место на р. Немда *Первый Запесок*, *Второй Запесок*), и отсутствующее в лексикографических источниках *туён* ‘водоворот; омут’, ‘зыбун’ (*Туюн*, омут, на р. Немда, бол.).

Фиксация терминов *шохра́* ‘поросшее лесом или кустарником болото’, *шохор* ‘возвышенность, холм в лесу’ в апеллятивном употреблении говорит о русском (а не субстратном) происхождении таких названий, как *Шохра*, лес, пок.; *Шохор*, поле, возв.; *Два Шохра*, холмы; *Обабочная Шохра*, бол.; *Николаевский Шахор*, лес, *Шохровское*, бол.

С точки зрения функционирования в составе топонима примечательны *враг* и *вражек* ‘овраг, лог’ (*Враг*, пок.; *Вражек*, руч.; *Мокрый Враг*, овраг; *Сухой Враг*, овраг; *Екатеринин Враг*¹⁰, овраг; *Первый... Пятый Вражек*, лога между пос. Кады́й и д. Жуково; *За Крутым Вражком*, поле; пркт. на р. Желвата *Вражиха* и др.): омонимичность литер. *враг* ‘военный противник, неприятель’ создает

⁶ В числе собственно языковых факторов ремотивации следует указать притяжение не только к известному этнониму, но и к гнезду **kьrk-/*kьru-* ‘гнуть’ [ЭССЯ, 13, 211], ср.: костр. (Ветл.) *корёга* ‘человек без ног или с другими физическими недостатками’ [СРНГ, 14, 314], яросл. *коряга*, *коряка* ‘о несговорчивом, упрямом человеке’, вят. *корякать* ‘делать что-либо плохо, неумело’ [СРНГ, 15, 41–42]. Содержащаяся во внутренней форме и/или значении этих лексем оценка внешнего облика человека, черт характера и действий как не соответствующих норме, отклонения от нормы оказывается созвучной тем негативным коннотациям, которыми обыденное сознание наделяет образ чужака, инородца (‘неправильный’, ‘неполноценный’ и т. п. [см. об этом: Березович, Гулик, 2002]).

⁷ См. контекст: «Он рядом с деревней живет, как брат».

⁸ Ср. арх., сиб. *та́лец* ‘живец, ключ, родник, водяная жила; где в болотах тальцы есть, там не мерзнет’ [Даль, 4, 393].

⁹ Ср. пенз., куйбыш. ‘овраг’ [СРНГ, 8, 103].

¹⁰ См. мотивировку: «Ехала женщина с возом сена, упала в овраг, оттого что воз опрокинулся, и придавило там» (д. Митино).

условия для народно-этимологической реинтерпретации имени и его включения в фольклорный текст, см.: «С врагами бои были, вот и назвали *Ближний Вражек*; враги были паны какие-то» (Чернышево)¹¹.

Другие термины, напротив, засвидетельствованы только в составе имен собственных (т. е. не сохранились или не были записаны собирателями): *веретья* (*Красные Веретья*, лесоч.; *бечевá*¹² (*Бечева*, пок.; *Бечево*, луг; *Аксёнова Бечева*, пок.; *Иванова Бечева*, пок.; *Бечевской Омут*, омут в р. Кусь); *крутец* (ур. *Первый Крутец* и *Второй Крутец*); *исада* (*Исады*, пок., б. пос.); *суборь* (*Суборь* / *Суборка*, лес; *Суборка*, руч.; *За Суборью*, лес). Ойконимы *Большое Улусье* и *Малое Улусье* скорее всего содержат восходящее к тюркским языкам слово или название (ср. др.-тюрк. *uluš* 'селение' [Аникин, 2000, 583]) в его первоначальном значении¹³, тогда как лексемы *улус*, *улусье* 'захолустье', 'находящийся в стороне участок земли, леса и т. п.; укромное место' («В такое забились улусье – никто не найдет. У Галины мать живет в Улусье – деревня такая есть в Костромской области») являются результатом семантической адаптации заимствования (ср. *улусы* пск., твер. 'закоулки; зауголки; уловки', без указ. места 'скрытое пристанище' [Даль, 4, 489]).

В связи с этимологически «темным» *захолустье* обращает на себя внимание название бывшей деревни *Холустье*, правда, оно вряд ли способно прояснить вопрос о происхождении этого слова, поскольку само нуждается в объяснении и проверке: ойконим имеет единичную фиксацию, сближению с дериватами корня **xal-/ *xol-* (ср. *Холостово*, д. (Волог., Хар), *Холостяк*, поляна (Волог., У-Куб), *Холощёвик*, руч. (Арх., Шенк)), как и в случае с *захолустьем*, препятствует вокализм ударного слога (см. также *Холустово*, поле (Волог., Бабаев)).

Для исследований в области топонимической этносемантики интерес могут представлять названия излучин на сплавных реках, в которых образуются заторы: *Агеева Дыра*, *Жохова Дыра*, *Кулёва Дыра*, *Марфунина Дыра*, *Федосина Дыра* и др. Очевидно, подобные наименования возникли в результате семантического перехода «разорванное место в плоту > *locus actionis*» (см.: «... и плоты по реке там рядом гнали, место там плохое, они там связки разрывали» (Ведрово)), хотя не исключена вероятность сравнения этого *locus actionis* с узким продолговатым отверстием, щелью, ср. реализацию этой метафоры в топониме *Собачья Нора*: «Узкое место, сплавной лес застревал, вот и звали Собачья Нора: только собака пролезет» (Новый Курдюм). Следует заметить, что многократное повторение апеллятива *дыра* в составе топонимов создает условия для его терминологизации, случаи же употребления других терминов единичны (*Фенькина Кривуля* при наличии *кривуль* 'крутой поворот реки' [ЛК ТЭ]).

Другая особенность наименований этой ландшафтной реалии заключается в их тесной связи с деятельностью человека, направленной на ликвидацию речных затор (топонимы, в которых находит отражение ситуация взаимодействия человека с географическим объектом, Е. Л. Березович [2000, 351, 365] предлагает называть интерактивными). Наиболее яркий пример – *Дайразá*, см. контекст: «Лес застревал, все бросились заторы разбирать тама, вот и звали так, что кричали “Дай разá!”» (Новый Курдюм). Однако в подавляющем большинстве случаев топонимы содержат указание на субъекта действия (см. приведенные выше «посессивные» названия), его эмоциональное состояние обозначено во внутренней форме топонима *Веселая Дыра*.

Своеобразие наименований речных затор (мест их образования) свидетельствует о том, что на исследуемой территории эти локусы выделяются в качестве самостоятельного объекта номинации.

О культурной семантике некоторых из так называемых вторичных (прецедентных) топонимов этого района (неофициальных названиях деревень или их частей – *Болгария*, *Япония*, *Куба*, *Севастополь*, *Ялта*, *Одесса* и др.) см. в статье Е. Л. Березович в этом номере [см. об этом также: Евчик и др., 2005].

¹¹ О записанных на исследуемой территории топонимических преданиях, в том числе и с историческими мотивами, см. подробнее: [Евчик и др., 2005].

¹² Ср. *вечевáя* 'топкий, заросший берег реки, край болота' [ЛК ТЭ].

¹³ Ср. др.-рус. *улусь* 'селение (татар)' [Фасмер, 1, 160], *улус* 'у калмыков и сибирских инородцев – собранье жилых хижин, оседлых или кочевых, юрт, кибиток, веж; селенье, табор' и др. [Даль, 4, 489; см. также: Аникин, 2000, 583].

- Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.
- Археология Костромского края / С. И. Алексеев и др.; Под ред. А. Е. Леонтьева. Кострома, 1997.
- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
- Березович Е. Л., Гулик Д. П.* *Homo ethnicus* в зеркале языка: к методике описания // *Etnolingwistyka* 14. Lublin, 2002. S. 47–67.
- Востриков О. В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1979.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882 (1989). Т. 1–4. 1867 (1996)
- Евчик М. Ф., Пьянкова К. В., Старикова К. М., Шабалина Е. В.* Из материалов Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (летний сезон 2004) // *Живая старина*. 2005. № 3 (в печати).
- ЛК ТЭ – лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского университета им. А. М. Горького (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ).
- Матвеев А. К.* Архаическая русская топонимия на северо-востоке европейской части СССР // *Вопр. языкознания*. 1987. № 2. С. 66–76.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // *Вопр. языкознания*. 1996. № 1. С. 3–23.
- Матвеев А. К.* Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // *Вопр. языкознания*. 1998. № 5. С. 90–105.
- Матвеев А. К.* Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // *Вопр. языкознания*. 2001а. № 5. С. 32–59.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург, 2001б.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург, 2004.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М., Л., 1965–... . Вып. 1–... .
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1958–1981. О. 1–7. (LSFU. XII).
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. SKST 556. Helsinki, 1992–2000. О. 1–3.
- YS – *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto // MSFOu. 200. Helsinki, 1989.

Л. А. Феокистова, канд. филол. наук, ассистент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург)